

О Ч Е Р К И

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ

НОВАГО ПОЭТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ 15 сентября 1839 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

VIII.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ПРАЗДНОШАТАЮЩІЕСЯ.

Въ Петербургѣ, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ, очень много праздношатающихъ. Они принадлежатъ къ разнымъ классамъ общества, къ разнымъ сословіямъ, а есть и такіе, которые не принадлежатъ ни къ какому классу и ни къ какому сословію: это ужь праздношатающіеся по преимуществу. Праздношатающимися зовутъ обыкновенно людей бѣдныхъ, промотавшихся, пѣшиходовъ, малоизвѣстныхъ (*incognus*). Люди съ богатствомъ или съ именемъ, не имѣющіе никакого общественнаго положенія и ничего не дѣлающіе, зовутся вѣжливіе, по французски — *фланірами*. Въ сущности, это тѣ же праздношатающіеся, только съ виѣшнимъ блескомъ.... Общество очень благосклонно къ нимъ: оно дѣлаетъ имъ ручки, съ пріятной улыбкой

киваетъ имъ головами, пьетъ съ ними шампанское и снисходительно величаетъ ихъ названіемъ *добрыхъ малыхъ*; но оно строго и презрительно относится о праздношатающихся—пѣшеходахъ и при встрѣчахъ съ таковыми не замѣчаетъ ихъ или отворачивается отъ нихъ, не подозрѣвая, что оно само нѣсколько виновато въ томъ, что они сдѣлались праздношатающимися и дошли до нищеты. Если бы общество чувствовало, что на немъ лежитъ нѣкоторая отвѣтственность въ отношеніи этихъ несчастныхъ, оно было бы, вѣроятно, снисходительнѣе къ нимъ и не подавляло бы ихъ такъ легко своимъ благороднымъ негодованіемъ. Къ праздношатающимся богатымъ принадлежатъ молодые купчики, дѣти отцовъ, честно или нечестно наживавшихъ копѣйку и оставившихъ дѣтямъ въ наслѣдство—свое невѣжество и свои капиталы, которые дѣти, стыдящіеся своего сословія и пренебрегающіе торговлей, обыкновенно глупо проматываютъ, заражаясь протензіями барства. Къ праздношатающимся богатымъ принадлежатъ... но мы на этотъ разъ оставимъ ихъ въ покоѣ и займемся праздношатающимися—пѣшеходами.

Я помню одного мальчика, очень красиваго собой, которому родители завивали волосы локонами, которому и сами они и знакомые ихъ твердили безпрестанно: «Какой красавецъ!» Я помню, какъ всѣ ахали, какое *блестящее* воспитаніе даютъ этому мальчику, какъ всѣ восхищались его граціей въ танцахъ, его болтаньемъ по французски и по англійски, его острымъ словамъ, его дѣтскому такту и проч.

Родители едва имѣли сами средства къ существованію, а свое милое дитя воспитывали такъ, какъ будто оно всю жизнь должно было провести сложа ручки, въ совершенномъ довольствѣ и праздности. Воспитаніе это стоило имъ тысячи, и всѣ удивлялись, откуда берутъ они эти тысячи; но родители имѣли связи съ людьми богатыми и сильными. У ребенка были крестная маменька — княгиня, крестный папенька — князь. Князь и княгиня, восхищенные красотою своего крестника и притомъ движимые возвышенными чувствами: помогать ближнимъ, взяли на себя всѣ издержки по его воспитанію. Кромѣ того, родители красиваго малютки умѣли возбуждать вообще участіе къ своему положенію въ людяхъ высшаго общества: имъ очень деликатно помогали, дѣлали подарки, давали деньги въ займы на заемныя письма, которыя потомъ великодушно раздирали, такъ что они привыкли уже рассчитывать на великодушіе, какъ на свой вѣрный доходъ, законно и неотъемлемо принадлежащій имъ. Имѣя самый легкій и пріятный взглядъ на жизнь, они сообщили его и своему наслѣднику, и этотъ взглядъ все болѣе и болѣе развивался въ немъ подъ благотѣльнымъ вліяніемъ блестящаго воспитанія. Миша (имя красиваго ребенка) посылался родителями раза три въ недѣлю въ разные аристократическіе дома играть съ княжескими и графскими дѣтьми и возвращался домой съ дорогими, подержанными, впрочемъ, игрушками, которыя ему тамъ дарили. Миша дѣлался ловчѣе и развязнѣе съ каждымъ днемъ; онъ былъ *фаворитомъ* двухъ свѣтскихъ дамъ, пользо-

вавшихся большимъ значеніемъ. Онъ уже начиналъ поглядывать гордо на своихъ сверстниковъ изъ средняго сословія, хвастать передъ ними своими знакомствами и дорогими куклами и внутренно стыдиться, что домъ его родителей, сравнительно съ тѣми домами, которые онъ посѣщалъ, бѣденъ. Для этого онъ иногда прибѣгалъ даже къ невинной лжи, увѣряя, что родители его переѣзжаютъ на другую квартиру, что они заказываютъ богатую мебель, и проч. Родители въ такихъ случаяхъ не останавливали его, потому что они сами имѣли привычку всякими средствами приподниматься передъ людьми, равными имъ. Миша росъ къ ихъ утѣшенію, вполне удовлетворяя ихъ самолюбіе, и они не сомнѣвались, что его ожидаетъ блестящая карьера. Его готовили въ дипломаты, потому что еще въ то доброе, старое время, когда Миша былъ мальчикомъ, единственно возможной службой въ Россіи для *порядочнаго* чело-вѣка считалась дипломатическая служба, и высшимъ идеаломъ для молодыхъ людей были мѣста секретарей при различныхъ посольствахъ. Замѣтивъ въ Мишѣ нѣкоторую тонкость и хитрость, родители, прижимая его къ своему сердцу и цалуя, повторяли съ гордостью: «Онъ рожденъ быть дипломатомъ!»

Когда маленькій дипломатъ достигъ четырнадцатилѣтняго возраста, его отдали въ такое заведеніе, гдѣ воспитывались дѣти извѣстныхъ фамилій. Миша подурнѣлъ немножко, но зато сдѣлался щеголемъ; а такъ какъ родители не имѣли средствъ давать ему денегъ на прихоти, то онъ, для пріобрѣтенія ихъ, началъ обигрывать товарищей въ *орлянку*. Отъ

орлянки, лѣтъ въ семьнадцать, онъ перешелъ къ бильярду и для практики, въ праздничные дни, тайкомъ отправлялся обыкновенно въ трактиры, гдѣ свелъ очень короткое знакомство съ извѣстными маркерами. Незамѣтно онъ сдѣлался однимъ изъ лучшимъ бильярдныхъ игроковъ и однажды, играя въ какомъ-то домѣ на бильярдѣ передъ своими родителями, привелъ ихъ своимъ искусствомъ въ совершенное изумленіе... «Какія способности у этого мальчика на все!» замѣтили они другъ другу чуть не со слезами. Когда Миша окончилъ курсъ наукъ — не съ такимъ, кажется, блескомъ, какъ отъ него ожидали, чему причиною были, конечно, бильярдъ и орлянка — его опредѣлили по дипломатической части, и молодой человѣкъ вступилъ въ большой свѣтъ безъ гроша денегъ и съ претензіями на тысячи. Крестные папенька и маменька ничего ему не дали, но ввели его въ этотъ свѣтъ, и это ужъ съ ихъ стороны и съ ихъ точки зрѣнія было, конечно, величайшимъ благодѣліемъ. На дѣлѣ оказалось не совсѣмъ такъ. Для поддержанія себя въ большомъ свѣтѣ, молодому человѣку нужны были издержки на туалеты, на экипажи и проч.... самолюбіе не позволяло ему отставать отъ другихъ.... да и нельзя: жалованье небольшое.... родители сами кое-какъ перебиваются подаваніями и займами.... откуда же деньги? Миша пустилъ въ ходъ свои бильярдные способности; вмѣсто должности по утрамъ началъ шататься по трактирамъ, наблюдать посѣтителей и ловить новичковъ и неопытныхъ охотниковъ, не обнаруживая передъ ними своего таланта, постепенно завлекая ихъ умы-

шленными проигрышами и потомъ обѣигрывая, какъ будто нечаянно. Деньги, пріобрѣтенныя имъ такимъ образомъ утромъ, онъ растрчивалъ вечеромъ на наемъ экипажа, на перчатки и другіе мелкіе расходы, потому что нельзя же ему было подѣхать къ великолѣпно освѣщенному подѣзду на «Ванькѣ». Какое бы мнѣніе въ такомъ случаѣ получилъ о немъ толстый и важный швейцаръ, отъ вниманія котораго ничто не ускользало?... Въ тѣ дни, когда баловъ въ городѣ не было, онъ проводилъ вечера въ модныхъ ресторанахъ съ своими великосвѣтскими пріятелями. Денежныя потребности его постепенно расширились, а деньги, добываемыя въ трактирахъ, были ничтожны. Миша попробовалъ счастья въ карты и завелъ довольно значительную игру. Сначала было ему повезло; потомъ онъ сталъ проигрываться и не платитъ.... Отъ него стали бѣгать, когда онъ у всѣхъ началъ занимать поменьку на два, на три дня, на недѣлю. О немъ начали говорить вслухъ нехорошо. Дамы еще были къ нему довольно внимательны; но мужчины стали обращаться съ нимъ не только съ холодностію, но съ явнымъ пренебреженіемъ. Дамы замѣтили это и отвернулись отъ него. Но Миша все еще продолжалъ ѣздить въ свѣтъ, хотя уже гораздо рѣже, встрѣчаемый холодно и даже едва замѣчаемый. Ко всему этому начальство стало на него жаловаться, что онъ служить не хочетъ, что онъ никогда не показывается въ министерство, и проч.; начались домашнія сцены; родители пришли въ отчаяніе, полились упреки, слезы.... «Ты обманулъ наши ожиданія, ты заплатилъ намъ черною

неблагодарностію за наши хлопоты, заботы о тебѣ... Ты служить не хочешь, занимаешь деньги и не платишь — позоришь себя и насъ!» говорили родители. Миша начала молча выслушивать все это, а потомъ началъ возражать и грубить и въ одинъ день наотрѣзъ сказалъ: «Вольно же вамъ было давать мнѣ такое воспитаніе и потомъ пустить меня нищимъ! Что жъ такое, что я занимаю и не плачу: и вы также у всѣхъ занимаете и не платите!»

Отецъ Миши не перенесъ обманутокъ сыномъ надеждъ и фантазій и умеръ, не имѣя даже возможности благословить его, потому что въ ту ночь, когда онъ умиралъ, сынъ обѣигрывалъ кого-то въ ланскнэ и никакъ не могъ отстать отъ игры, потому что ему везло очень. Поссорившись съ своимъ начальствомъ, Миша, не сказавъ матери, вышелъ въ отставку и совсѣмъ пересталъ ѣздить въ свѣтъ, потому что его перестали звать, перестали присылать ему приглашенія. Это, однако, глубоко оскорбляло его и однажды, на вопросъ своего знакомаго, будетъ ли онъ на балѣ княгини Д*, о которомъ кричалъ весь городъ, онъ смѣло отвѣчалъ: «буду» — и, дѣйствительно, поѣхалъ на балъ безъ приглашенія.... Старые его пріятели указали на него хозяину дома, а тотъ чрезвычайно вѣжливо подошелъ къ нему и попросилъ его очень деликатно — удалиться. Разказъ объ этомъ распространился на другой день по всему городу, — и съ этой минуты Миша исчезъ для свѣта.

Своихъ великосвѣтскихъ знакомыхъ онъ замѣнилъ

уличными и трактирными, но еще, встрѣчая на улицѣ первыхъ, блѣднѣлъ и отворачивался отъ нихъ. Онъ все еще одѣвался франтомъ; но платья его поистерлись и позавяли, бѣлье не имѣло прежней бѣлизны, а енотъ на шубѣ порыжѣлъ и пообтерся. Онъ отпустилъ усы. Прошло года два.

Однажды, когда я проходилъ по одной изъ самыхъ отдаленныхъ и пустынныхъ петербургскихъ улицъ, кто-то вдругъ выскочилъ изъ-подъ воротъ и наткнулся на меня. Это былъ онъ. Онъ взглянулъ мнѣ прямо въ глаза съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Ну, смотри на меня... Это я... что же изъ этого, и какое тебѣ дѣло до меня?» Онъ не поклонился мнѣ, хотя мы были прежде знакомы, закусилъ губу, улыбнулся и съ достоинствомъ прошель, напѣвая что-то себѣ подъ носъ. Мнѣ показалось, что онъ очень измѣнился — похудѣлъ и осунулся. Пальто его очень замѣтно лоснилось, шолкъ на пуговицахъ оборвался, обнаруживая деревяшки, тулья шляпы порыжѣла; но все это было тщательно вычищено, нигдѣ ни пушинки, и руки вложены въ задніе карманы, какъ у франтовъ. На большихъ улицахъ, при дневномъ и особенно солнечномъ свѣтѣ, онъ совсѣмъ не показывался; по крайней мѣрѣ, мнѣ ни разу не случалось встрѣчать его.

Мѣсяць спустя послѣ этой встрѣчи, я зашелъ вечеромъ въ одинъ изъ кафе-ресторановъ на Невскомъ. Бильярдная комната была полна народомъ. Густая облака дыма висѣли надъ бильярдомъ, притягиваемая колпаками лампъ. Въ чаду и дыму, съ перваго

раза никого разглядѣть было невозможно; только слышались разные голоса, восклицанія и трескъ шаровъ. Мало по малу изъ дыма начинали выглядывать раскраснѣвшіяся фізіономіи съ усами, съ рѣзкими морщинами, съ загрубѣлой кожей и съ нѣжной кожицей и пушкомъ на подбородкѣ... Между этими фізіономіями въ особенности одна обращала на себя вниманіе рѣзкостію и грубостію чертъ, длиннымъ и горбатымъ носомъ, большими черными глазами, съ какимъ-то хищнымъ выраженіемъ, и южнымъ, желтовато-смуглымъ колоритомъ. Владѣлецъ этой фізіономіи мрачно стоялъ съ кіемъ въ рукѣ, не играя, но слѣдя съ участіемъ и вниманіемъ за движеніемъ шаровъ, и отъ поры до времени мычалъ себѣ что-то подъ носъ или покачивалъ головою, съ педантическимъ выраженіемъ знатока. Всѣ присутствующіе обращались съ нимъ, какъ съ коротко знакомымъ, и называли его *Синьоромъ*. Этотъ синьоръ, какъ мнѣ сообщили, носилъ нѣкогда на лоткахъ алебастровыя фигуры, завелъ потомъ свою мастерскую въ Гороховой улицѣ, приобрѣлъ маленькій капитадецъ и, передавъ мастерскую другому соотечественнику, сбросилъ куртку, запачканную алебастромъ, облекся въ сюртукъ, отпустилъ усы и бородку, пустил капитадецъ свой въ какой-то таинственный оборотъ, а самъ жилъ бильярдомъ, на которомъ игралъ отлично, и сдѣлался самымъ постояннымъ посѣтителемъ этого кафе. Онъ почти безвыходно находился въ бильярдной, — только ежедневно въ четыре часа удалялся къ себѣ, чтобы

наѣсться макаронъ, которыя ему приготовляла, отлично и совершенно по итальянски, русская рябая и толстая дѣвка Акулина, жившая у него постоянно лѣтъ десять и пользовавшаяся полною его довѣренностію; послѣ макаронъ соснетъ съ часокъ и аккуратно въ шесть часовъ снова возвращается къ своему посту и остается ужь тамъ до полуночи. Синьоръ и самъ игралъ и держалъ пари за другихъ. Онъ обыкновенно грубо отвѣчалъ на любезности и шуточки посѣтителей, впивался пронизательнымъ взглядомъ въ новыя, незнакомыя ему лица, появлявшіяся въ бильярдной, и часто очень значительно и изподтишка переглядывался съ маркеромъ. Если партія не интересовала его, онъ сидѣлъ на диванѣ, дремалъ или засыпалъ.

Въ то время, когда я вошелъ въ бильярдную, играли обыкновенную русскую партію въ пять шаровъ какой-то господинъ съ короткой шеей и пожилыхъ лѣтъ, съ молодымъ человѣкомъ.

Господинъ съ короткой шеей выигрывалъ. По мѣрѣ выигрыша, голосъ его становился веселѣе и повелительнѣе, фізіономія дѣмалась открытѣе и свѣтлѣе. Аппетитъ его также возрасталъ. Послѣ каждой выигранной партіи онъ громогласно и весело требовалъ себѣ то рюмку хересу, то чашку шоколаду, то порцію бифштекса.

Проигравшій молодой человѣкъ горячился, проклиная свое несчастіе, пожималъ плечами, дѣмалъ отчаянныя гримасы, поминутно перемѣнялъ кій и съ неистовствомъ стучалъ шарами... Вдругъ, выкинувъ

неловкимъ и сильнымъ ударомъ шаръ за бортъ, онъ схватилъ его съ полу и со всего размаху кинулъ на бильярдъ. Шаръ отскочилъ и ударилъ прямо въ животъ короткошеему господину.

Всѣ зрители удвоили вниманіе и съ любопытствомъ ждали, что будетъ. Господинъ съ короткой шеей, поднявъ съ полу шаръ и, покачиваясь, весело сказалъ звонкимъ и пріятнымъ голосомъ: — Ахъ, горячая кровь! горячая кровь! — затѣмъ поставилъ шары на мѣсто и прицѣлился... Онъ сдѣлалъ свою билию и съ удара кончилъ партію.

— На пе, что ли? спросилъ онъ молодаго человека.

— Идетъ, отвѣчалъ тотъ съ волненіемъ.

Проигравъ двѣ партіи, молодой человекъ отказался.

— Ну, я вамъ дамъ пожалуй десять впередъ сказалъ короткошеей господинъ.

— Пятнадцать, возразилъ молодой человекъ.

— Ну, такъ и быть, извольте!

Но молодой человекъ проигралъ и съ пятнадцатью. Тогда короткошеей господинъ предложилъ ему двадцать. Проигравъ и съ двадцатью, молодой человекъ опять бросилъ кій.

— Ну, я вамъ дамъ тридцать! великодушно произнесъ короткошеей.

Молодой человекъ нерѣшительно посмотрѣлъ на оставленный кій.

Въ эту минуту въ бильярдной появилось новое лицо, которое заняло общее вниманіе. Это былъ

сѣденькій старичокъ, съ плутовскими глазками. При появленіи его вдругъ на минуту воцарилось почтительное молчаніе.

Я встрѣчалъ этого старичка въ разныхъ бильярдныхъ и замѣтилъ, что ему вездѣ оказывали особенное почтеніе: уступали мѣста, принимали слово его за законъ, обращались къ нему въ сомнительныхъ случаяхъ, въ спорахъ. Когда его обступали и просили сыграть партію, онъ обыкновенно отговаривался, жаловался на темноту въ глазахъ, на дрожаніе рукъ, наконецъ соглашался, и всѣ были въ восторгѣ... Знакомые и незнакомые долгомъ считали восхищаться каждымъ его ударомъ. Старикъ дрожащей рукою сдѣлаетъ шаръ на себя — и на всѣхъ лицахъ обнаружатся слѣды глубокаго сожалѣнія... Онъ отпуститъ пошлую шутку — всѣ хохочать, несмотря на то, что онъ нищій и не имѣетъ другой извѣстности, кромѣ пріобрѣтенной продолжительнымъ шулерствомъ...

Старичокъ появился въ бильярдной въ то мгновеніе, когда короткошейей господинъ предложилъ молодому человѣку тридцать.

— Тридцать! воскликнулъ старикъ. — Да если вы дадите *имѣ* тридцать, я буду за нихъ пари держать. Я видывалъ игру ихъ....

Ободренный такимъ авторитетомъ, молодой человѣкъ рѣшился попробовать счастья. Короткошейей господинъ условился съ старичкомъ въ пари.... Молодой человѣкъ проигралъ и съ тридцатью.

— Нѣтъ, больше не держу:—сказалъ старичокъ,

они сегодня не въ ударѣ... Дайте имъ сорокъ, такъ тогда, пожалуй, подержу.

— Извольте... сорокъ, такъ сорокъ! отвѣчалъ короткошей — отчего и не рискнуть съ выигрыша?...

Но и сорокъ не помогли. Молодой человѣкъ получилъ наконецъ пятьдесятъ. Соболебзуя о проигрышѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ любуясь съ артистическимъ увлеченіемъ превосходными билиями господина съ короткой шеей, старичокъ шепталъ своему сосѣду:

— Вотъ у молодого-то человѣка игры съ каждымъ годомъ прибываетъ, прибываетъ, а у старика убываетъ: руки дрожатъ, глаза плохо видятъ...

Молодой человѣкъ, между тѣмъ, проигралъ съ пятидесятью.

— Ну, хотите пятьдесятъ-пять? воскликнулъ короткошей господинъ.

Но молодой человѣкъ бросилъ молча кій и, блѣдный, какъ полотно, вышелъ изъ бильярдной комнаты.

Маркеръ, съ живыми глазами и быстрыми тѣлодвиженіями, поднесъ короткошеему его выигрышъ, довольно значительный.

— А со мной не сыграете? спросилъ онъ.

— Поди ты! отвѣчалъ презрительно короткошей и подошелъ къ старичку.

— Вотъ, Иванъ Маркелычъ, сказалъ онъ, подавая ему нѣсколько ассигнацій: — мой вчерашній должокъ. Благодарю за довѣріе... Понимаете, при-

бавиль онъ выразительно, — съ сегодняшнимъ вашимъ проигрышемъ такъ ровно и будетъ...

— Понимаемъ, отвѣчалъ старичокъ также выразительно.

— Не хотите ли, господа, шампанскаго? закричалъ короткошеей, обращаясь къ своимъ пріятелямъ и, между прочими, къ синьору, который на все посматривалъ изподлобья, но наблюдательно.

— Съ хозяиномъ-то прежде расплатитесь! шепнулъ на крикъ короткошеего довольно грубо маркеръ.

Короткошеей важно бросилъ ему нѣсколько ассигнацій.

— А со мной такъ и не сыграете? началъ маркеръ сладкимъ голосомъ.

Но короткошеей довольно рѣшительно послалъ его къ чорту. Несмотря на это, маркеръ продолжалъ увиваться около него, приставая безпрестанно съ новыми предложеніями.

— Ну, партію *деконте*....

— Не хочу! отстань!

— Ну, я буду, играть *одной рукой*.... Ну, вы мнѣ дайте тридцать впередъ — я буду играть *отвернувшись и закрывши глаза*.

— Пошелъ прочь!

— Ну, дайте сорокъ. Я буду играть *пальцемъ*, а вы кіемъ! Не хотите?

— Не хочу!

— А я вотъ было и денежки приготовилъ, сказалъ маркеръ, вертя передъ глазами короткошеего

нѣсколько депозитокъ.—Право, только хочется проиграть! Съиграемте?

— Говорятъ тебѣ, не хочу!

Маркеръ отошелъ къ своей черной доскѣ, но скоро воротился съ обломкомъ стараго кія.

— Вотъ я буду играть *обломкомъ*, *вмѣсто кія*, сказалъ онъ, показывая короткошеему неровный разщепленный конецъ палки.

— Убирайся!...

Такъ какъ просто никто не играетъ съ маркерами, то они, обыкновенно, пускаются на всевозможныя выдумки. Изобрѣтательность ихъ въ бильярдной сферѣ не имѣетъ границъ; искусство выполненія разныхъ бильярдныхъ фокусовъ доходитъ до невѣроятности. Они объигриваютъ самыхъ искусныхъ и осторожныхъ игроковъ... Дѣло не обходится иногда и безъ плутней. Разъ, говорятъ, одинъ изъ маркеровъ *наскочилъ* (бильярдное выраженіе) на пріѣзжаго, который превосходилъ его искусствомъ и опытностію. Три дня длился между ними смертельный бой, и втеченіе ихъ маркеръ постоянно проигрывалъ; на четвертый день искусный и опытный господинъ проигралъ не только весь выигрышъ, но и всѣ свои деньги. Одного не могъ онъ понять, проигрывая, отчего шары не останавливались у него тамъ, гдѣ, по его расчету и по свойству удара, слѣдовало имъ останавливаться. Дѣло объяснилось очень просто: смѣясь его недогадливости, маркеръ самъ потомъ признался ему, что онъ немного отвинтилъ борты бильярда, и, такимъ образомъ отраженіе ша-

ровъ сдѣлалось слабѣе, чѣмъ было наканунѣ.... Помѣнить разгорячившемуся сопернику кій съ одного края, прилѣпить въ роковую минуту надъ лузой незамѣтный кусочекъ воску и другія подобныя хитрости всѣ были пущены имъ въ дѣло. Люди, опытные въ бильярдномъ дѣлѣ, сообщили мнѣ, что въ маркеры идутъ обыкновенно люди ловкіе, находчивые и предприимчивые, и что нигдѣ нельзя встрѣтить такого плутовства и такого разврата, какъ между ними. Поприще свое они кончаютъ почти всегда трагически; дни, проведенные стоя, частыя бессонныя ночи, ежеминутныя корыстолюбивыя волненія скоро старятъ ихъ. Постоянное и свободное соприкосновеніе съ «господами» дѣлаетъ ихъ неспособными къ другимъ должностямъ. Лишившись маркерскаго мѣста, они спиваются и умираютъ въ нищетѣ... Хотя чрезъ руки ихъ проходитъ много денегъ, но они никогда не запасаются на черный день. Жизнь въ трактирѣ, ежеминутный соблазнъ, приучаютъ ихъ къ расточительности. Игра становится ихъ потребностью. Выстоявъ день за бильярдомъ и заработавъ своимъ искусствомъ сколько придется съ посѣтителей, ночью они собираются въ какомъ нибудь отдаленномъ трактирѣ *помѣряться силами между собой*. При такихъ сходкахъ не существуетъ границъ между средствами позволительными и непозволительными: кто искуснѣе сплутовалъ, — тому и деньги и слава! Въ эти сборища, гдѣ бывають не только бильярдная, но и карточная игра, допускаются и трактирные шулера, которые, по ремеслу сво-

ему, вообще дружны съ маркерами... Синьоръ долженъ быть непременно въ числѣ гостей на такихъ сборищахъ. Деньги у маркеровъ не держатся. Выигравъ, они соряютъ ихъ на шампанское и проматываютъ по нѣскольку сотъ въ одну ночь въ танцклассѣ. Но чаще, мучимые потребностью непрестанной дѣятельности, которую не всегда является возможность удовлетворить съ барышомъ, они наконецъ «сводятъ игру» на такія тяжелыя условія, что проигрываютъ до послѣдней копѣйки. И тогда начинается для нихъ періодъ медленнаго и осторожнаго копленія, — періодъ, о которомъ говорятъ, что человѣкъ «въ подмазкѣ». Разыгрывавшись, они опять кутятъ. Маркеры иногда скапливаютъ тысячъ до четырехъ, и, если они крѣпостные, у нихъ рождается желаніе выкупиться; но это намѣреніе они откладываютъ день за день и никогда не осуществляютъ. Кончается тѣмъ, что господа вызываютъ ихъ въ деревню и приставляютъ ихъ къ своему домашнему бильярду....

Послѣ рѣшительнаго «убирайся!...» произнесеннаго короткошеемъ господиномъ, выступили на бильярдную арену два новые бойца: одинъ — господинъ, повидимому, неизвѣстный никому изъ присутствовавшихъ, а другой — знакомый всѣмъ Миша, котораго мы будемъ звать теперь Михайломъ Васильичемъ.

Синьоръ предложилъ три цѣлковыхъ пари за Михайла Васильича и принялъ въ игрѣ кровное участіе. Послѣ трехъ ударовъ, неизвѣстный господинъ, ко-

торый вовсе не зналъ своего партнера, обратился къ нему и сказалъ:

— А я было забылъ положить въ лузу деньги.

И съ этими словами, оставивъ свой кій, вынулъ десяти-рублевую депозитку, такъ что ее всѣ видѣли, и положилъ ее въ одну изъ лузъ. Михайло Васильичъ обнаружилъ при этомъ какое-то неловкое движеніе въ лицѣ и искоса взглянулъ на синьора, который на этотъ взглядъ дернулъ однимъ глазомъ и бровью. Михайло Васильичъ засунулъ руку въ ту же лузу и глухо произнесъ:

— Вотъ и мои.

Незнакомецъ игралъ въ началѣ неудачно, такъ что Михайло Васильичъ былъ впереди пятнадцатью очками. Синьоръ пріятно улыбался и мигалъ короткошеему. Михайло Васильичъ довольно гордо поглядывалъ кругомъ и гладилъ свои усы, какъ человѣкъ, совершенно довольный собою. Онъ сталъ обнаруживать даже нѣкоторую небрежность и послѣ одного удара неудачно подставилъ желтаго шара къ средней лузѣ. Синьоръ вздернулъ плечами. Шаръ былъ, впрочемъ, трудный, потому что надобно было играть отъ борта; но когда неизвѣстный мѣткимъ ударомъ положилъ его въ лузу при всеобщемъ одобреніи и чыхъ-то крикахъ: «предъ симъ благоговѣю!» и еще очень ловко подошелъ къ желтому своимъ шаромъ, у синьора свернула въ глазахъ молнія негодовапія, и онъ пробормоталъ сквозь зубы, поведя головой на Михайла Васильича:

— Держи тутъ! играть не умѣеть... per Vasso!...

Три раза сряду жолтый шаръ ложился въ среднюю лузу, подъ ударами незнакомца. Онъ остался побѣдителемъ, вынулъ деньги изъ лузы, посмотрѣлъ на нихъ, остановился, еще разъ взглянулъ въ недоумѣннн, потомъ обвелъ глазами присутствовавшихъ, посмотрѣлъ какъ-то странно на Михайла Васильича, который избѣгнулъ его взгляда, и сказалъ, держа двумя пальцами смятый клочекъ печатной бумажки:

— Чтѣ это такое? вы, вѣрно, ошибкой....

Михайло Васильичъ взглянулъ умоляющими глазами на синьора и незамѣтно подвинулся къ нему. Синьоръ мрачно и отрицательно покачалъ головою и въ ту же минуту подаль три рубля тому господину, съ которымъ держалъ пари.

— Это не деньги-съ, продолжалъ незнакомецъ, все держа двумя пальцами клочекъ бумажки передъ толпою: — господа! кажется, вѣдь это не деньги!...

Всѣ переглянулись другъ съ другомъ, улыбнулись, обратились къ Михайлу Васильичу и, казалось, были немножко довольны тѣмъ, что завязывается любопытная исторія.

Съ минуту была совершенная тишина. Всѣ ждали, чтѣ скажетъ Михайло Васильичъ.

Онъ, блѣдный, какъ полотно, проговорилъ невнятно:

— Я не знаю, чтѣ это такое: я положилъ деньги, — и сдѣлалъ шагъ къ двери. — Я не понимаю, чтѣ это значитъ, бормоталъ онъ, обращаясь не совсѣмъ смѣло къ нѣкоторымъ изъ толпы.

Тѣ отвернулись отъ него. Онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ; но незнакомый господинъ закричалъ:

— Нѣтъ, это не можетъ же такъ остаться! Что же вы, милостивый государь, шутите, что ли?... Эй, хозяинъ! хозяинъ!... Я васъ не знаю: онъ долженъ отвѣчать за васъ.... Пусть онъ заплатитъ мнѣ мои десять рублей.

Хозяинъ явился. Незнакомый господинъ, горячася и размахивая руками, объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Затѣмъ начались объясненія хозяина съ Михайломъ Васильичемъ. Михайло Васильичъ увѣрялъ, что онъ положилъ въ лузу деньги и не понимаетъ, какимъ образомъ вмѣсто денегъ очутилась простая бумажка. На это раздалось нѣсколько раздраженныхъ голосовъ:

— Что жь, вы насъ подозреваете, что ли? Къ лузамъ, кажется, никто не подходилъ.

Поднялся страшный шумъ. Всѣ говорили и кричали; короткошеи съ достоинствомъ пожалъ плечами и удалился, шепнувъ что-то синьору. Хозяинъ наконецъ объявилъ, что онъ проситъ всѣхъ успокоиться, что онъ вноситъ свои деньги и очень сожалѣетъ, что случилась у него въ заведеніи такая неприятность, и потомъ обратился къ виновнику этихъ безпокойствъ и попросилъ его выйти, говоря, что ему нужно переговорить съ нимъ. Михайло Васильичъ молча послѣдовалъ за нимъ, а за Михайломъ Васильичемъ синьоръ. Хозяинъ началъ что-то шептать Михайлу Васильичу; синьоръ стоялъ въ отдаленіи, пожималъ плечами и, надвинувъ брови,

покачивалъ головою. Послѣ пореговоровъ съ хозяиномъ, Михайло Васильчъ надѣлъ свою шубу и, совсѣмъ съ головой скрывшись въ ней, вышелъ изъ заведенія; а синьоръ остался разсуждать съ хозяиномъ объ этомъ необыкновенномъ событіи. Толпа въ бильярдной окружила маркёра, и бильярдъ оставался незанятымъ до тѣхъ поръ, покуда волненіе стихло.

Съ тѣхъ поръ, говорятъ, Михайло Васильчъ не показывался болѣе въ этомъ кафе, котораго онъ мѣсяца четыре былъ постояннымъ посѣтителемъ. Онъ мелькаетъ еще, впрочемъ, во всѣхъ петербургскихъ трактирахъ, гдѣ только есть мало-мальски сносные бильярды... изрѣдка даже появляется у Палкина, въ залѣ семи бильярдовъ въ Пассажѣ, въ Нѣмецкомъ трактирѣ у Полицейскаго моста и въ другихъ тому подобныхъ высшихъ заведеніяхъ. Дружба его съ синьоромъ, кажется, продолжается, потому что мнѣ случалось не разъ встрѣчать ихъ вмѣстѣ на улицѣ очень горячо и совершенно по пріятельски разговаривавшихъ другъ съ другомъ....

Есть ли своя комната у Михайла Васильевича, неизвѣстно, — должно быть, есть, потому что гдѣ же нибудь онъ ночуетъ, умывается, причесывается и одѣвается. Комната ему собственно нужна для ночлега, потому что живетъ онъ въ трактирахъ и на улицахъ.... Но несмотря на всѣ претерпѣнныя имъ бѣдствія, онъ умѣлъ отчасти сохранить свое внѣшнее достоинство. Утративъ безукоризненную джентльменскую свѣжесть въ своемъ ежедневномъ

туалетѣ, онъ все-таки имѣетъ видъ джентльмена.... пробывшаго сутки въ дорогѣ. Онъ пользуется большимъ значеніемъ между трактирными новичками, которыхъ поражаютъ его гордыя манеры и знаніе иностранныхъ языковъ. У Михайла Васильевича есть, впрочемъ, совершенно новая пара платя, которая надѣвается только въ экстренныхъ случаяхъ. Въ этой новой парѣ самый опытный глазъ не отличить его отъ настоящаго джентльмена.

Когда всѣ карточныя и бильярдныя средства его истощаются, Михайло Васильичъ прибѣгаетъ къ другимъ, еще болѣе смѣлымъ и замысловатымъ средствамъ для пріобрѣтенія денегъ.

Вотъ одно изъ такихъ средствъ, открытое нечаянно однимъ изъ моихъ знакомыхъ.

Въ одно прекрасное утро лѣтомъ 185*, самый безукоризненный на видъ господинъ, съ манерами человека, имѣющаго тысячъ пятьдесятъ дохода, явился въ знаменитую мастерскую г-на В* и объявилъ, что онъ желаетъ взять напрокатъ флигель, для одной своей родственницы, княгини Г*, которая только что пріѣхала въ Петербургъ и остановилась на дачѣ Д*, на Каменномъ островѣ. — Г. В* отвѣчалъ, что онъ напрокатъ своихъ инструментовъ никому не даетъ; но безукоризненный господинъ сталъ упрашивать г. В*, чтобы онъ сдѣлалъ для него исключеніе, называлъ его геніальнымъ мастеромъ, увѣрялъ, что княгиня можетъ играть только на инструментахъ, вышедшихъ изъ его мастерской, разыгралъ передъ нимъ очень мило какую-то сонату,

пробуя инструменты и восхищаясь ими, — словомъ плѣнилъ г. В* своею любезностію и убѣдилъ его согласиться.

Заплативъ деньги впередъ за мѣсяць, безукоризненный господинъ объявилъ, что пришлетъ за флигелемъ своихъ лошадей, и совершенно уже по пріятельски простился съ г. В*, оставивъ ему подробный адресъ дачи княгини Г*. Флигель былъ взятъ черезъ часъ.

Прошелъ мѣсяць. Г. В* посылаетъ на дачу, по адресу, оставленному ему, къ княгинѣ Г* за деньгами... Оказывается, что никакой княгини на этой дачи не жило и что дача все лѣто простояла пустая. Безукоризненный господинъ и флигель, стоившій 700 р., канули въ воду. Обманутый г. В* махнулъ рукой и не пожелалъ отыскивать ни флигеля, ни безукоризненнаго господина. Черезъ годъ вдругъ приносятъ ему для поправки этотъ флигель отъ генерала К*, и вслѣдъ за тѣмъ является самъ генераль. Г-нъ В* спрашиваетъ у генерала, какимъ образомъ онъ пріобрѣлъ флигель.

— Я купилъ его, отвѣчалъ генераль: — въ Громоздкихъ Движимостяхъ съ аукціоннаго торга за триста рублей; онъ былъ заложенъ въ двухстахъ.

Дѣло объяснилось очень просто. Безукоризненный господинъ прямо отъ г. В* отправилъ инструментъ его въ Громоздія Движимости и, за уплатой 20 рублей за прокатъ, пріобрѣлъ чистыхъ 180 руб.

Этотъ безукоризненный господинъ былъ Михайло Васильчъ.

Я не знаю, чѣмъ онъ кончитъ; но вообще подобныя ему господа кончаютъ плачевно.